

МУХА В ЯНТАРЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МИРАНА ХОФФ

Мирана Хофф
Муха в янтаре

«Автор»

2026

Хофф М.

Муха в янтаре / М. Хофф — «Автор», 2026

Ведьма, исчезнувшая много лет назад, возвращается преподавать в академию. Вместе с ней приходит молчаливая помощница, которую она защищает слишком отчаянно для человека, привыкшего работать в одиночку. Пока студенты пытаются понять новую преподавательницу, в мире меняются законы, зверолюди постепенно теряют свободу, а в самом центре континента разрастается Искажение — место, откуда никто не возвращается прежним. Одни скрывают прошлое. Другие — свою природу. Но когда правда выйдет наружу, выбирать придется уже не между добром и злом, а между свободой и безопасностью.

© Хофф М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Назначение	5
Глава 2. Система	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мирана Хофф

Муха в янтаре

Глава 1. Назначение

Аудитория гудела — негромко, но напряжённо. Как перед грозой. Словно назревает что-то, что повлечет за собой череду последствий. Шёпот, шелест бумаги, короткие смешки — всё это оборвалось в тот момент, когда дверь открылась.

Ясарида вошла без спешки, но уверенно и четко. Дерево протеза глухо ударилось о камень. Шаг. Ещё один. Протез слегка шаркнул поверхность, словно немного сполз с ноги, но ведьма словно не обратила на это внимания. Просто шла. Ровно. Уверенно. Привычно.

Она не смотрела на студентов. Вообще.

Прошла к столу, положила папку, провела ладонью по поверхности, будто проверяя — на месте ли всё.

И только после этого подняла взгляд своих янтарных глаз. Несмотря на теплый оттенок радужки, взгляд дарил лишь холод, пробегающий мурашками вдоль позвоночника.

— Если кто-то из вас надеется, что я не замечу списывание, — спокойно сказала она, — вы ошибаетесь.

Она уверенно и четко, держа лицо ровно, поправила протез, чтобы он больше не падал. Никто не обратил на это внимания, кроме помощницы, что следовала за ней словно тень, а потом ушла в конец класса.

— Если вы рассчитывали, что я закрою на это глаза — вы ошибаетесь ещё сильнее.

Тишина стала плотнее, почти осязаемой, как густая смола.

— Но празднуйте, ленивые вы создания. Сегодня без контрольной, — добавила она. По аудитории пронесся облегченный вздох. — Обсуждение.

После последнего слова обречённость так и застыла на лицах студентов.

— Магия, — продолжила Ясарида. — Границы применения.

Несколько человек насторожились, словно затронули что-то, что набило оскомину. Ведьма оперлась ладонью о край стола.

— Вопрос простой. Где проходит граница между допустимым и удобным?

Никто не ответил. Ясарида пробежала глазами по каждому ученику.

— Никто? Или в аудитории сегодня день добровольной умственной спячки? — брови взлетели вверх, словно стараясь выразить удивление. Но эмоция не затронула остальное лицо. Один из студентов неуверенно поднял руку.

— Да?

— Магию нельзя применять к живым разумным, только в целях самозащиты, — сказал он. — Потому что это опасно.

— “Опасно” — это не ответ, — спокойно сказала Ясарида. — Это способ не думать.

Он замолчал.

— Ещё? — казалось, словно брови взлетели ещё выше, словно хищная птица. Тишина.

Она уже собиралась продолжить сама, когда с другого ряда раздался голос:

— Но ведь есть исключения.

Казалось, словно Ясарида дернула ухом в сторону говорящего, но голову не повернула.

— Встань. Какие исключения?

Парень пожал плечами.

— Ну если объект не совсем разумный.

Несколько человек тихо хмыкнули. Ясарида не изменилась в лице.

— Продолжай.

Он чуть оживился, почувствовав ложную поддержку.

— Я к тому, что есть же существа, которые ближе, — он замылся, — к Тварям, — пауза. — Может, в этом есть смысл? Зверолюди. Они же ближе всех к ним. Почему бы не использовать магию на них? Это было бы полезно.

Тишина стала липкой. Кто-то опустил голову, стараясь слиться с интерьером. Кто-то, наоборот, напрягся. У стены помощница не шевельнулась. Только пальцы, сцепленные за спиной, сжались чуть сильнее, морщина между бровями стала глубже, а излом губ горче. Ясарида сделала шаг.

Стук протеза прозвучал громче обычного.

— Удобная позиция, — чуть тише. — Всегда приятно считать себя тем, кто держит поводок, а не тем, на кого его накинута. Ты прямо говоришь, что если найдётся кто-то, кто решит, что ты недостаточно разумен — Она остановилась рядом с его столом, — это будет «полезно»?

Парень побледнел.

— Я не это имел в виду — студент замылся и опустил глаза в пол.

— Именно это, — голос не сменил тональность, но все равно все почувствовали напряжение.

Она наклонилась чуть ближе. Не угрожающе. Хуже. словно добрая родственница, что хочет дать очередной совет жизни. Но только с родственниками особо не поспоришь, а с Ясаридой спорить даже не захочется.

— В следующий раз подумай, — тихо сказала она, — а не пересказывай чужие мысли, как птица болтунчик, которому выдали форму и забыли выдать мозг.

Студент резко вскинул голову, словно желая возразить, но столкнувшись со взглядом, опустил ее вновь. Ясарида выпрямилась.

— Запомните все, — ее голос стал холоднее. — Магия не делает различий и не ставит границы. Это делают разумные. Если захотеть, то магию можно использовать как угодно, все зависит лишь от тех, у кого эта магия в руках, — она развернулась и пошла обратно к столу.

— И если вы не понимаете, где проходит граница, — добавила она, не оборачиваясь, — однажды вы окажетесь по ту сторону.

Тишина. На этот раз — настоящая.

— Записываем, — сказала она, подходы к доске и выводя мелом ровные каллиграфические буквы. — Тема: ограничения и последствия применения магии. Кто не успеет записать что-то из лекции, просьба потом списать у коллег по несчастью, а не прерывать меня посреди предложения, — перья заскрипели по бумаге следом.

Закончив писать тему, Ясарида обернулась проверить, все ли пишут. И только на мгновение её внимание сконцентрировалось в глубине аудитории. Коротко, лишь слегка проходясь по чертам лица. Проверяюще. Будто убеждаясь, что всё на месте. В этот миг тучи на улице рассеялись, вышло на небо светило, пробегая лучами вдоль парт, касаясь чужих волос. Один из лучей оттолкнулся от очков ведьмы и скользнул в сторону помощницы. Пятнышко света упало ей на нос, заставляя вынырнуть из своих мыслей и поднять взгляд. Ясарида резко отвернулась, словно опомнившись. Все было на месте, все в порядке.

И все пошло своим чередом. Пора добавить ума в эти пустые черепушки. Хотя бы попытаться.

Аудитория опустела не сразу.

Шум голосов, тихое обсуждение прошедшего урока и попытка понять, где ответы были верными, попытка вычислить, на какую оценку каждый из них поработал. Скрип стульев, торопливые шаги. Наконец, гул оказался за дверью. И наступила тишина.

Ясарида не обернулась.

Стояла у стола, перебирая листы, словно в них было что-то важнее только что прошедшего урока. Хотя и урок был не важен.

Послышался звук затвора замка на двери. Быстрый взгляд на помощницу, чтобы убедиться, готова ли она к разговору.

Ясарида кивнула и только после этого повернула голову.

Лербия стояла у двери. Всё так же тихо. Всё так же собранно.

Слишком.

На мгновение пальцы Ясарида коснулись цепочки на шее, нащупали кулон и слегка потянули его вниз, как будто проверяя, на месте ли он.

— Подойди, — голос был тихим, но в пустоте аудитории звучал неприлично громко. Лербия подошла. Почти бесшумно.

Ясарида осмотрела ее лицо. Лоб, виски, линия волос. Задержалась на секунду дольше на повязке на лбу.

— Состояние? — сухо, по делу, как всегда.

— Нормально, — голос скрипел от долгого молчания, как несмазанные петли.

Пауза.

— Неубедительно, — лишь констатация, а не требование правды.

— Уже лучше, — Лербия чуть дернула уголок губ.

Ясарида кивнула.

— Падают все, — спокойно. — Вопрос — как быстро встают.

Тишина. Ясарида отвернулась, прошла к окну, мельком глянув во двор.

— На меня повесили смешанный класс, — пауза. — Разный уровень, разные привычки и ноль желания думать, — она тихо выдохнула.

Скрипнула половица под протезом. Ведьма поморщилась от еле слышного щелчка в основании протеза. Бесплезная палка.

— Будет весело. В плохом смысле.

— Ты согласилась? — Лербия чуть склонила голову.

Ясарида бросила на неё короткий взгляд.

— У меня было два варианта. Согласиться или слушать его дальше, — пауза. — Я выбрала более быстрый способ пострадать.

Лербия едва слышно хмыкнула.

— Тебя это касается напрямую, — сказала Ясарида уже серьезнее.

— Я понимаю, — Лербия чуть напряглась.

— Не думаю, — шаг. Ясарида остановилась напротив неё. — В любом классе есть тот, кого проверяют первым. На прочность. На реакцию. На то, можно ли безнаказанно. Часто это преподаватели или их помощники. Не становись этим человеком, — прямой взгляд. Ни осуждения, ни оценивания. Наблюдение и только.

— Пусть попробуют, — теперь взгляд изменился, теперь иначе. Оценивающе.

— Попробуют, — кивнула она. — Обязательно. Не лезь туда, где не требуется.

Лербия нахмурилась.

— Я и не... — брови Лербии вскинулись, словно даже они были возмущены.

— Не перебивай, — спокойно. Жёстко. — Ты не обязана никому ничего доказывать, — продолжила Ясарида. — Ни им. Ни себе.

— Я не доказываю, — Лербия сжала пальцы.

— Хорошо, — коротко. — Тогда и не начинай, — Ясарида отвела взгляд первой.

— Если станет шумно — уходи.

— С урока?

— С ситуации, — уточнила она. — Урок я переживу. Тебя — не факт.

Тишина. Лербия посмотрела на неё внимательнее.

— Это приказ?

Ясарида замерла на секунду. Пальцы на её руке сжались сильнее, цепочка натянулась.

— Это разумно, — ответила она ровно. — Потому что я не собираюсь разгрести последствия чужой глупости. Особенно если ты окажешься в её центре.

— Я поняла, — Лербия выдохнула.

— Надеюсь, — Ясарида кивнула. — Иди.

Лербия направилась к двери, но задумавшись, замедлила шаг и остановилась, когда рука уже лежала на ручке двери.

— Спасибо.

— Работай лучше — будет достаточно, — ведьма не обернулась.

Лербия усмехнулась и вышла.

Дверь закрылась.

Тишина. Давящая, не успокаивающая. Ясарида стояла, не двигаясь. Потом медленно разжала пальцы. Цепочка скользнула обратно, кулон мягко ударился о грудь.

— А если будет недостаточно, — почти беззвучно и на выдохе, — я всегда рядом.

Жёсткие шаги в сторону двери, чеканившие, словно в мелодии марше. Звук запора. И снова ни души.

Глава 2. Система

Сознание медленно поднималось из глубины, неохотно возвращаясь к реальности. Сначала ощущение — ощущение. Оно возникло раньше мысли и звука, чужое и непривычное, а в теле что-то сместилось и ещё не встало на место. Неясное, но густое как туман в голове.

Глаза распахнулись, но тело не двигалось, позволяя взгляду постепенно зацепиться за знакомые линии потолка и мягкий свет. Ежедневная неизменная картина. Комната всегда одинаковая, и в этом постоянстве было что-то почти успокаивающее, если бы не это внутреннее смещение, которое не исчезало. Она неглубоко выдохнула, прислушиваясь к себе, пытаясь нащупать источник внутреннего узла, которое не имело формы. Без причины.

Это не боль или страх в привычном смысле, — скорее внутреннее сжатие, тихое и настойчивое, которое не отпускало. Слишком рано. Лербия перевела взгляд в сторону, скользя по знакомым предметам, проверяя, не изменилось ли что-то во внешнем мире. Комната оставалась аккуратной, почти пустой, с тем же порядком, который она поддерживала не из любви к чистоте, а ради контроля.

Она без спешки села, позволяя телу привыкнуть к движению, чувствуя, как мышцы откликаются без задержки. Всё работает. Пальцы скользнули по ткани одеяла и на секунду сжали её сильнее, чем было нужно, прежде чем разжаться. Вставать не хотелось, будто сама мысль о движении требовала больше усилия, чем обычно.

— О, Великие Драконы... — рукой провела по лицу и сморщилась, словно от головной боли. — Надо вставать, — почти шепотом, на грани слышимости, только для себя. Можно говорить громче, но не хотелось. Тишина в комнате казалась плотнее, чем прежде, не угрожающей, но насыщенной, как будто в ней было больше, чем должно быть. Уже сегодня после всех уроков Ясарида соберет новый класс для знакомства и инструкций. Не сказать, что волнительно, но интерес к ситуации определенно имеется.

Она опустила ноги на пол, чувствуя, как холод камня проходит по коже, возвращая ощущение реальности. Кровать скрипнула, движения были плавными, почти осторожными, проверкой, насколько тело ей подчиняется. Равновесие не сбивалось, дыхание оставалось ровным, и внешне всё было так, как должно быть. Но не внутри.

Подошла к зеркалу, замедлившись у самого конца пути, словно её что-то удерживало от последнего шага. Остановилась и только через секунду подняла взгляд, встречаясь с собственным отражением. Слишком прямо.

Лицо было тем же, знакомым до мелочей, но в нём ощущалась едва заметная чуждость, которую нельзя было объяснить. Она чуть наклонила голову, всматриваясь внимательнее, пытаясь поймать это присутствие до того, как оно исчезнет. Но не вышло. Её рука с задержкой поднялась к лицу и остановилась на полпути, так и не коснувшись кожи. Пальцы дрогнули едва заметно, и это движение показалось неестественно заметным на фоне общей неподвижности.

Лишнее. Взгляд поднялся выше, туда, где проходила повязка, и задержался на ней дольше, чем планировал. Недопустимо много внимания. Нельзя. Материал выглядел так же, как всегда — тёмный, плотный, с карикатурными стежками — Ясариде явно надо взять пару уроков шитья. Хотя повязка была удобной, она до мерзкого теплая, как собственная кожа.

Коснулась повязки осторожно, проверяя, отзовется ли она на прикосновение. Отзывается. Мерзко, но безопасно и важно. Настолько, что пренебрегать не стоит. Тепло было слабым, но заметным, и этого хватало, чтобы понять — это не просто защита. Оно живое. Или нет? Лербия не до конца разобралась с техникой его создания. Она чуть сильнее нажала пальцами на материал, удерживая давление лишь секунду, прежде чем отпустить. Повязка ответила напряжением, но оно тут же исчезло под пальцами, словно спряталось глубже, туда, где его уже нельзя было достать. Ежедневная рутина, которую нельзя пропускать.

Взгляд зацепился за отражение ещё на мгновение, будто сравнение того, что видит, с тем, что чувствует. Не совпадает. Всё не то. Вот и замечательно. Пока удаётся прятать себя, все под контролем. Затем Лербия отвернулась, чуть резче, чем нужно, решая не продолжать. Хватит. Самое время собираться, сходить в душ, сложить вещи. Движения привычны, но теперь в каждом жесте чувствовалась дополнительная внимательность. Контроль. Каждое движение было точным, выверенным, будто она проверяла себя на соответствие чему-то невидимому.

Когда всё было готово, комната осталась такой же, как и раньше – аккуратной, пустой, предсказуемой. Ничего, что говорило бы о ее жителе. Даже в личном пространстве не хотелось оставлять частичку себя. Лербия остановилась у двери и на секунду задержала руку на ручке, не сжимая её сразу.

Всё же ручка провернулась, открывая дверь. Без оглядки вышла наружу. Пора уже начинать очередной день.

Поток студентов двигался к аудитории привычно шумно, но в этот раз в этом шуме было что-то лишнее. Не сразу понятно, что именно изменилось. Сначала это щекотало чувства почти незаметно — разговоры звучали так же, шаги были такими же, кто-то смеялся, кто-то жаловался на задания. Всё выглядело обыденно. И всё же не совсем.

Очередь замедлялась постепенно, почти незаметно, но в какой-то момент это движение словно упиралось во что-то невидимое и остановилось совсем. Разговоры впереди оборвались, не договорённые до конца, и тишина, возникшая на их месте, показалась слишком плотной для обычной паузы. Взгляд сам потянулся вперёд.

У самой рамки стояла девушка — высокая, с тёмными волосами, в которые были вплетены тонкие сухие ветви. Они казались частью причёски, но при внимательном взгляде становилось ясно: это не украшение. Они едва заметно двигались, шелестели от сквозняка, которого здесь почти не было.

Свет внутри рамки не гас. Он держался — ровный, плотный, фиксируя все внутри.

— Пройдите дальше, — произнёс преподаватель спокойно, даже лениво, но взгляд его оставался сосредоточенным. Девушка не сдвинулась с места.

— Я уже прошла, — ответила она с раздражением, чуть приподняв подбородок, отказываясь признавать саму возможность ошибки.

— Нет, — так же ровно сказал он, не меняя позы. Коротко.

Пауза натянулась между ними, и в ней стало слышно больше, чем в словах — чужое дыхание, скрип подошв, тихий шелест одежды. Друидка усмехнулась, но эта усмешка вышла резкой, почти оборонительной.

— Это ошибка, — сказала она, чуть громче, чем нужно, словно пытаясь убедить не только его, но и всех вокруг.

Свет не исчез. Наоборот — стал ярче, плотнее, откликаясь на её голос. Лербия заметила, как люди впереди чуть отступили, освобождая пространство, и как несколько человек одновременно отвели взгляд, делая вид, что происходящее их не касается. Слишком заметно.

— Снимите артефакт, — добавил преподаватель, и его плечи едва ощутимо развернулись, закрывая пространство перед рамкой.

— Это не артефакт, — резко ответила девушка, её голос дрожал натянутой струной, что скоро порвётся.

— Снимите, — повторил он. Тихо, но окончательно. Чувствовалась военная выправка. Друидка нахмурилась сильнее, её пальцы на мгновение сжались. Казалось, она сдерживала движение, которое хотела сделать.

— Вы вообще понимаете, о чём говорите? Это часть... — не успела она договорить, как свет снова вспыхнул, резко, ярче, чем прежде.

Среди студентов прошёл глухой гул, который толпа тут же попыталась подавить, испугавшись своей реакции. В этот момент за спиной Лербии послышались шаги – тяжёлые, слаженные, слишком ритмичные, чтобы принадлежать студентам. С металлическим лязгом. Обращиваться не пришлось — и так было ясно. Стража.

Они появились быстро, почти бесшумно для своих размеров, и заняли пространство у рамки так, будто всегда должны были там стоять. Словно отрепетировали перед этим свое шествие. Их доспехи были тёмными, гладкими, с холодным металлическим блеском, в котором отражался свет рамки и лица студентов — искажённые, вытянутые и напряжённые. Чужие.

Лербия на секунду поймала своё отражение — размытое, почти неузнаваемое, с застывшим выражением, которого она не чувствовала на лице, и сразу отвела взгляд.

— Я никуда с вами не пойду, — сказала друидка, уже жёстче, и её плечи выпрямились, было видно — она собиралась удерживать позицию до конца.

— Вы нарушаете новый свод ограничений, — ответил преподаватель, слегка склонив голову, как если бы речь шла о чём-то очевидном. Слово «новый» повисло в воздухе. Его явно выделили интонацией.

— Какой ещё свод? — она резко выдохнула, и голос её сорвался на полтона выше. — Его даже не... — стража подошла ближе. Чрезмерно близко, чтобы чувствовать себя комфортно, но недостаточно, чтобы счесть это неприличным. Один из них протянул руку, металл тихо звякнул о металл, и этот звук прозвучал громче, чем должен был. Друидка дёрнулась, отступая, но свет рамки не отпустил её.

— Это ошибка, — повторила она быстрее, и теперь в её голосе звучало не только раздражение. — Вы не имеете права...

Её грубо взяли за руки. Она попыталась вырваться, движения стали резкими, почти хаотичными, и ветви в её волосах дрогнули сильнее, откликаясь на всплеск эмоций. На мгновение воздух вокруг стал гуще. Свет вспыхнул ещё раз.

— Отпустите меня! — голос сорвался, стал громче, чем она, возможно, хотела. Несколько студентов отшатнулись, один из них тихо выругался, зажимая рот рукой, испугавшись собственного звука. Но никто так и не вмешался.

— Вы разберетесь в установленном порядке, — произнёс преподаватель, уже не глядя на неё, и его поза снова стала спокойной, немного безразличной. Как будто всё уже решено. Друидку повели к боковому коридору. Она всё ещё пыталась сопротивляться, оборачивалась, цепляясь взглядом за лица вокруг, но в этих лицах не было ответа — только напряжение и желание не оказаться на её месте.

Дверь в боковой коридор захлопнулась. Звук получился слишком тихим даже среди той звенящей тишины. Очередь стояла ещё мгновение, но потом преподаватель чуть сместил вес, и это движение оказалось достаточным, чтобы вернуть всех к реальности.

— Следующий, — сказал он, и голос его прозвучал ровно, будто ничего не произошло. Люди двинулись, быстро, немного суматошно, но не в спешке, а в волнении.

Повязка не давала забыть о себе, пока поток нёс её вперёд. Нельзя позволить себе ни замедлиться, ни ускориться. После произошедшего впереди пространство изменилось — не внешне, а в натянутости. Воздух стал плотнее, тяжелее, в нём появилось что-то невидимое, что цеплялось за дыхание и не отпускало до конца. Рамка была уже совсем близко.

Теперь её можно было рассмотреть лучше: тонкая, тёмная, почти сливающаяся с проёмом, она казалась частью самой стены, если бы не слабое искажение внутри — как будто пространство там слегка дрожало, не удерживая привычную форму. Повязка отозвалась раньше, чем она подошла вплотную.

Сначала — тепло. Оно было знакомым, почти привычным, но оно появилось слишком рано. Повязка реагировала не на саму рамку, а на приближение к ней. Тепло быстро усилилось,

стало плотнее, собираясь в одной точке, прижимаясь к коже. Лербия не потянулась к ней, не опустила взгляд. Ничего не изменила.

Очередь двигалась, и теперь было уже слишком поздно позволить себе сомнение. Момент пересечения она ощутила почти физически — тонкая граница прошла сквозь тело, холодной волной от плеч до кончиков пальцев. И в ту же секунду лоб словно ошпарило.

Тепло стало острым, даже болезненным. Материал натянулся, плотнее прижимаясь к коже, словно удерживая что-то под собой, не позволяя этому выйти наружу. На долю секунды показалось, что ещё немного — и она почувствует, как повязка не выдержит. Но нужно было идти. Спокойно. Всё хорошо.

Свет внутри рамки вспыхнул. Только не смотреть прямо. Но краем глаза все равно видно — по изменению освещения, по тому, как тени на мгновение стали резче. Этот свет отличался от предыдущих: он был ярче, плотнее, как будто задержался чуть дольше, чем должен был. Секунда растянулась.

Лербия не изменила дыхание, хотя воздух вдруг стал слишком тяжёлым, чтобы вдохнуть свободно. Не ускорила шаг, хотя тело уже было готово сорваться вперёд. Не остановилась — хотя именно этого, казалось, и ждал от неё мир. Что-то внутри рамки дрогнуло. И в тот же момент свет погас. Будто ничего и не было.

— Дальше, — спокойно прозвучал голос рядом.

Рамка осталась позади. Только тогда можно позволить себе вдохнуть глубже, осторожно, стараясь не выдать этого лишнего движения. Воздух всё ещё казался тяжёлым, но уже не давил так, как секунду назад. Повязка держала. Слишком плотно. Слово маленькое уличное животное, что вжимается в стену от страха. Слово не отпускала напряжение сразу, продолжая удерживать форму, как если бы опасность ещё не до конца миновала.

Лербия не обернулась, не посмотрела на преподавателя. Но липкое скольжение его взгляда осталось — короткое, почти неуловимое, и оттого ещё более неприятное. Может, что-то в ней всё-таки заметили, пусть и не поняли до конца?

Ещё несколько шагов вперёд, растворившись в потоке студентов уже по ту сторону двери. И только тогда позволить себе думать дальше.

Когда Лербия пересекла порог аудитории, шум не вернулся сразу. Сначала — только отдельные голоса. Тихие, осторожные, будто люди проверяли, можно ли снова говорить в полный голос. Кто-то сел слишком резко, стул скрипнул по каменному полу и прозвучал непривычно громко, заставив сразу нескольких человек обернуться.

Затем разговоры начали возвращаться. Медленно, по мере наполнения аудитории. Слово количество человек влияло на ощущение покоя. Бред. Количество человек, что прошли рамку, не отменит наличия самой ситуации.

Лербия прошла к своему месту в конце кабинета, стараясь двигаться так же, как обычно — без лишней спешки, но и не задерживаясь. Чувство, как повязка всё ещё плотно держится на коже, не отпуская до конца, делало каждое движение чуть более осознанным, чем нужно. Села, чопорно аккуратно. Руки на мгновение задержались на краю стола, прежде чем она позволила себе расслабить пальцы. Совсем немного.

— Ты это видел?.. — прошептал кто-то справа, наклоняясь ближе к соседу, и голос его сорвался на выдохе.

— Видел, — ответил тот так же тихо, не поднимая головы, словно боялся, что их услышат.

— Это что вообще было? — добавил он, уже осторожнее, и плечи его чуть сжались, в попытке занять меньше места.

— Новый свод какой-то, — отозвался третий голос сзади, чуть громче, но тут же сбавил тон, заметив чужие взгляды. — Мне брат писал, у них на курсе уже проверяли.

Лербия не оборачивалась, но внимательно слушала. Под повязкой что-то шевельнулось. Как-будто действительно наострились уши.

— Какой ещё свод? — тихо фыркнули в ответ, но в этом звуке было больше нервозности, чем насмешки. — Нам ничего не говорили.

— Теперь говорят, — тот пожал плечами, и ткань его одежды тихо прошелестела в тон разговору, словно ещё один собеседник. — Половину амулетов запретили.

— Половину? — переспросили, и в голосе прозвучало уже настоящее удивление.

— «Потенциально опасные», — передразнил кто-то, чуть наклонившись вперёд, показывая экран передатчика с каким-то текстом. — Удобно, да?

Кто-то тихо усмехнулся, но слишком коротко. Смех оборвался почти сразу.

— Вчера не опасные были, а сегодня вдруг стали? — добавил другой голос, уже тише, и он невольно оглянулся к двери. Дверь оставалась закрытой. Но на неё всё равно смотрели, словно она могла резко распахнуться и явить их диалог всем.

— Король в последнее время... — начал кто-то, понижая голос до почти шёпота. Пауза затянулась, но слово не находилось. — Странные вещи делает, — договорил он наконец, и плечи его чуть напряглись, будто он сам не был уверен, стоит ли это говорить.

— Он всегда жёсткий был, — ответили ему, но без прежней уверенности, и взгляд говорившего на мгновение ушёл в сторону в попытке сгладить тему разговора, уйти, игнорировать.

— Жёсткий — да, — согласился первый, медленно выдыхая. — Но не такой.

Тишина повисла между ними. Кто-то шикнул, коротко и резко, и разговор на секунду оборвался, словно его обрезали. Лербия чуть сильнее сжала пальцы под столом. Незаметно. Повязка больше не жгла, но ощущалась — как напоминание, от которого нельзя избавиться.

— А этот вообще кто? — раздалось сзади спустя несколько секунд, уже тише. — Ну этот... у рамки, — голос чуть дрогнул, и говорящий невольно понизил его ещё сильнее.

— Не знаю, — ответили наконец, и в этом «не знаю» было больше честности, чем хотелось бы. — Я его раньше не видел.

— И я, — добавил другой, быстро, почти сразу, не желая оставаться единственным.

— Может, со старших курсов? — предположил кто-то, но неуверенно, и сам же чуть качнул головой.

— Преподаватель? — в голосе прозвучало сомнение, и говорящий скосил взгляд на дверь. Секунда.

— Сильно сомневаюсь, — тихо ответили ему.

— Он эльф, — добавил кто-то почти шёпотом.

Слова прозвучали спокойно, без акцентов и намеков. Словно и так все понятно. И всё же разговор снова замер. Не потому, что это было неожиданно. А потому что это многое объясняло. И одновременно — ничего. Невольно их взгляды обратились к группе эльфов на соседних партах, что вечно были как белые вороны на любом потоке, кроме своего. Но и там, они были по одному. Не шептались, не проводили вместе время. Но при этом они держались как единый организм. Всегда действовали слаженно, ходили кучками, никогда не позволяли себе лишнего контакта с другими разумными.

Лербия смотрела перед собой, не фокусируясь ни на чём конкретном. Взгляд скользил по столам, по спинам студентов, по свету, падающему из окон, но не задерживался ни на одном предмете. Она слушала, собирала и складывала. И чем больше слышала, тем яснее становилось: дело было не в одной проверке. И даже не в той девушке. Что-то менялось. Медленно, почти незаметно. Но уже достаточно, чтобы это почувствовали все.

Лербия выдохнула — тихо, почти незаметно, — и только теперь позволила себе чуть расслабить плечи. Ненадолго. Потому что ощущение так и не ушло. Будто за этой сценой уже следовало что-то ещё. И это «ещё» было ближе, чем хотелось бы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.